

Поэма Одоевского «Василько» называет своего ослепленного героя христианским «страдальцем»:

Пред Спасом не виновен Василько,
И пред людьми старадалец не виновен.⁵⁶

А сохранившийся фрагмент пятой песни поэмы Бестужева показывает нам Андрея «в святой одежде пилигрима».⁵⁷ Необходимо рассмотреть, какую функцию имеют стилистические элементы агиографического происхождения при разработке древнерусских тем в поэзии пушкинского времени.

4. Тип мученика и злодея

Особому характеру древнерусской литературы соответствует то обстоятельство, что на изображение человека в ней сильно влияла агиографическая точка зрения. Так было не только в каноническом жанре житий, но и в широких областях нарративной прозы, между прочим в летописях. Цель агиографической точки зрения была ясна: примерами и запугиванием привить христианскую добродетель. В отличие от народно-эпической точки зрения здесь положительным идеалом считалось христианское смирение и готовность принять страдания; герою противопоставлялся антигерой как воплощение греховности и зла — злодей. Эта антитеза пронизывает все сферы сознания средневекового человека и накладывает печать на политические оценки. Поэтому положительная оценка идеальных образов князей в развитом феодализме зачастую выражается приемами агиографического стиля. Особенно это бросается в глаза в житии Александра Невского и в других княжеских легендах. Деяния князей нередко оцениваются по агиографическим представлениям нормы, при этом официальная канонизация отнюдь не обязательна. Тот, кто оказывается достойным с точки зрения господствующей идеологии, высших государственных отличий, будь то за успешное укрепление государства, или за успешную защиту его от угрозы извне, тот получает в изображениях летописей непосредственно или опосредствованно черты святого или по крайней мере богоугодного князя. Наоборот, бессмысленные княжеские усобицы, угрожающие единству государства, осуждаются как греховные деяния.

Олицетворение злодея как такового встречается в летописных преданиях, но и в «Сказании», и в житии Бориса и Глеба есть братоубийца — Святополк (1019). В биографии этого «нового Каина», начиная с его якобы содомитского происхождения, вплоть до вероломного убийства им своих братьев Бориса, Глеба и Святослава и его ужасающей смерти от угрызений совести в горах Богемии, все способно было дать пищу фантазии поэтов-романтиков. В особенности сцена бегства после поражения в битве на Альте полна захватывающего драматизма и показывает возможность применения агиографической точки зрения при изображении душевных переживаний: «К вечеру одоле Ярослав, а Святополк бежа. И бежащю ему нападе на нь бес, и раслабеша кости его, не можаше седети на кони, и несяхуть ѥ на носилех. Принесоша ѥ к Берестью бегающе с нимь. Он же глаголаше: „Побегнете со мною, женуть по нас“. Отроки же его всылаху противу: „Егда кто женеть по нас?“. И не бе никого же вслед гонящаго, и бежаху с нимь. Он же

⁵⁶ А. И. Одоевский, стр. 123.

⁵⁷ А. Бестужев-Марлинский, стр. 135.